

УДК 327

DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/133-150

*Киреев А.А.
Kireev A.A.*

Сценарии пограничной политики на российском Дальнем Востоке в контексте вариантов развития региона

Scenarios of border policy in the Russian Far East in the context of regional development prospects

В представленной статье даётся ретроспективный анализ и прогноз социально-экономического развития российского Дальнего Востока и его трансграничных экономических и миграционных отношений с Китаем, Японией, Южной Кореей и КНДР. На основе трёх прогнозируемых вариантов развития дальневосточного региона, а также с учётом различных приоритетов государственного управления им, автор описывает два вероятных сценария региональной пограничной политики до 2025 г. – «преемственный» и «модернизационный».

Ключевые слова: *пограничная политика, трансграничные отношения, сценарии, региональное развитие, российский Дальний Восток*

The article gives a retrospective analysis and forecast of the socio-economic development of the Russian Far East and its transborder economic and migratory relations with China, Japan, South Korea and the DPRK. Based on the several projected variants of the development of the Russian Far East, as well as taking into account the various priorities of public administration, the author describes two possible scenarios of the regional border policy until 2025 – the “successive” and the “modernization”.

Key words: *border policy, transborder relations, scenarios, regional development, the Russian Far East*

Начиная, по меньшей мере, с 1996 г. программные документы российского правительства, посвящённые Дальнему Востоку, с большей или меньшей настойчивостью связывают достижение планируемых целей развития региона с расширением его взаимодействия со странами АТР. Данный тезис в различных модификациях неоднократно появляется и на страницах последней версии программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» [2]. Между тем в индикативной части этой программы (как и предыдущих) трансграничные отношения РДВ в основном обходятся молчанием. Место конкретных целевых показателей этих отношений занимают общие фразы о необходимости их «роста», «повышения», «усиления» и т.п.

При отсутствии каких-либо специальных программ по регулированию трансграничных отношений РДВ (т.е. региональной погранич-

Публикация выполнена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-03-50119

КИРЕЕВ Антон Александрович, к.полит.н., доцент кафедры политологии ДВФУ (г. Владивосток). E-mail: antalkir@yandex.ru

ной политике), такой способ целеполагания не может не затруднять планирования в этой сфере. Без количественных целевых ориентиров рациональное определение набора инструментов регулирования, его правовых, организационных, материально-технических, кадровых и финансовых средств, выстраивание пограничной политики (ПП) в регионе как системы невозможно. Если же учесть уровень вовлеченности РДВ в международные связи, особенно высокую степень его зависимости от социально-экономических процессов, происходящих по ту сторону государственных границ, то наличие подобного пробела в официальных планах регионального развития неизбежно вызывает сомнения в их обоснованности и надёжности в целом.

Безусловно, нынешнюю расплывчатость целей дальневосточной ПП нельзя объяснить только «недосмотром» со стороны разработчиков документов стратегического планирования. Внешние и, прежде всего, трансграничные связи региона вообще представляют собой наиболее сложный и рискованный компонент в структуре планов его развития. Международные факторы регионального развития отличаются наиболее высокой неопределённостью и одновременно наименьшей доступностью для управления. Тем не менее, взаимное сопоставление долгосрочных динамик международных и внутренних факторов регионального развития способно уменьшить меру их неопределённости. Опираясь на такое сопоставление, в настоящей работе я попытаюсь выявить количественные значения диапазона возможных вариантов развития трансграничных экономических и социально-демографических отношений РДВ до 2025 г. и наметить вероятные сценарии их политического регулирования.

В основу прогнозирования целевых показателей ПП на РДВ будет положена её концептуальная описательная модель, предложенная автором ранее [7]. Исходя из состава включённых в неё основных факторов системы ПП, прогнозное исследование будет состоять из следующих этапов: 1) ретроспективный сравнительный анализ тенденций динамики трансграничных отношений РДВ, а также общественных потенциалов РДВ и его важнейших контрагентов – КНР, Японии, РК и КНДР – в период с 1991 по 2015 гг.; 2) сравнительный анализ поисковых прогнозов динамики тех же факторов в период с 2016 по 2025 гг.; 3) сравнение нормативных прогнозов, отражающих различные цели федеральной политики развития ДФО до 2025 г., и определение вероятных в их контексте сценариев ПП в регионе.

Трансграничные отношения РДВ в постсоветский период имели сложный состав и могут рассматриваться по различным показателям. Для анализа трансграничных экономических отношений региона наиболее значимы объёмы его торговли (прежде всего, экспорта) и поступления прямых иностранных инвестиций. Анализ трансграничных социально-демографических отношений РДВ требует приоритетного внимания к количеству принимаемых им иностранных трудовых мигрантов и туристов. Динамику трансграничных отношений в 1991–2015 гг. нагляднее всего характеризуют среднегодовые темпы роста значений названных показателей, агрегированные по пятилетним этапам. Такая группировка позволяет охватить весь изучаемый период, не упуская, вместе с тем, из виду его внутренней неоднородности. В целях сопоставления, в том же разрезе – среднегодовых темпов роста по пятилетиям – была проанализирована динамика общественных потенциалов РДВ и стран СВА (Китай, Японии, Южной Кореи и КНДР). Общественные потенциалы сторон трансграничного взаимодействия в первом приближении были выражены в показателях ВВП/ВРП и населения.

Таблица 1. Темпы роста экономических потенциалов стран СВА, России и РДВ и трансграничных экономических отношений РДВ в 1991–2015 гг. (средние по пятилетиям, %)

Показатели	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015
ВВП Китая*	112,2	108,6	109,8	111,3	107,8
ВВП Японии	101,6	101,1	101,2	100,1	101
ВВП РК	107,9	105,2	104,7	104,1	102,8
ВВП России	90,9	101,6	106,1	103,5	101,2
ВРП РДВ	н/д	95,7	104	107,2	100,4
Экспорт РДВ	92,3	114,4	102,4	104,4	106,4
Импорт РДВ	105	87	131	96	98,6
Поступление ПИИ на РДВ	н/д	127,1	142,8	70,7	149,2

* Стоимостные показатели, использованные в данной работе, были переведены в доллары 2011 г. по ППС.

Источники: рассчитано автором на основе: [4, с. 556; 5; 11; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 43; 52].

Как показывает *табл. 1*, динамика экономических потенциалов выделенных стран СВА (кроме Японии) в 1991–2015 гг. характеризовалась значительным, но постепенно замедляющимся ростом. На протяжении большинства этапов этот рост опережал динамику экономических потенциалов РДВ и России в целом. Кроме того, *табл. 1* фиксирует особый ритм увеличения и сокращения ВРП РДВ, отличный от колебаний ВВП России. Можно предположить, что эта специфика во многом является следствием трансграничных отношений РДВ. В этой связи, показательная устойчивая положительная динамика экспорта региона, сохранявшаяся в течение четырёх этапов рассматриваемого периода, включая кризисные 1990-е и рецессию первой половины 2010-х гг. Статистика темпов роста экспорта вполне подтверждает его уже отмечавшуюся в литературе [10, с. 96] важную стабилизирующую роль для региональной экономики. Напротив, резкой неустойчивостью, как видно из *табл. 1*, и отсутствием какой-либо корреляции с другими показателями РДВ и его среды отличалась динамика поступления в регион ПИИ.

Судя по данным *табл. 2*, сходные тенденции в 1991–2015 гг. были свойственны и социально-демографическим потенциалам РДВ и его восточноазиатских контрагентов. Темпы роста населения РК, КНДР и КНР постоянно превосходили соответствующие показатели России и РДВ. При этом население РДВ на всем протяжении изучаемого периода имело отрицательную динамику. С подобным соотношением социально-демографических потенциалов с очевидностью связаны высокие темпы роста количества иностранных трудовых мигрантов на РДВ в 2001–2010 гг., во время экономического подъёма в регионе. Неполнота данных затрудняет ретроспективный анализ динамики туристической миграции, однако нельзя не отметить стремительного подъёма иностранного туризма на РДВ в 2011–2015 гг., когда регион находился в состоянии экономической рецессии.

Сопоставление показателей, представленных в *табл. 1* и *2*, приводит к выводу, что, при относительно стабильной динамике ВВП и населения стран СВА, заметно более выраженные колебания ВРП, на-

Таблица 2. Темпы роста социально-демографических потенциалов стран СВА, России и РДВ и трансграничных миграционных отношений РДВ в 1991–2015 гг. (средние по пятилетиям, %)

Показатели	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015
Население Китая	101,2	100,9	100,6	100,5	100,5
Население Японии	100,3	100,2	100,1	100	99,9
Население РК	101	100,8	100,4	100,5	100,6
Население КНДР	101,5	100,9	100,8	100,6	100,5
Население России	100	99,8	99,6	99,9	100,2
Население РДВ	98,9	98	99	99,5	99,2
Иностранное труд. мигранты на РДВ	н/д	97,2	124,3	114	88,8
Иностранное туристы на РДВ	н/д	н/д	н/д	86,5	162,9

Источники: рассчитано автором на основе: [5; 8, с. 197; 24; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 43; 46; 47; 52].

селения и большинства показателей трансграничных отношений РДВ могут быть результатом действия промежуточных, как внешних, так и внутрироссийских, факторов. Для того чтобы проверить это предположение и уточнить механизм обусловленности динамики трансграничных отношений РДВ, рассмотрим ряд дополнительных, более специальных показателей общественных потенциалов региона и его партнёров. Так, промежуточными переменными, связывающими экономические потенциалы и торгово-инвестиционные отношения сторон, могут быть показатели спроса и предложения товаров и капиталов. Такими же переменными, связывающими их социально-демографические потенциалы и миграционные отношения, могут служить показатели спроса и предложения трудовых и туристических ресурсов.

С начала 2000-х гг. наиболее весомый компонент дальневосточного экспорта (от одной до двух третей в разные годы) составляла продукция ТЭК. Поэтому особую значимость для объяснения динамики экспортной торговли РДВ имеют показатели потребления первичных энергоресурсов КНР, Японией и РК, полностью или в основном зависящими в этом отношении от внешних поставок [9, с. 62–63]. Как показывает табл. 3, тенденции потребления первичных энергоресурсов странами СВА сходны с динамикой их ВВП, но демонстрируют в целом меньшие темпы роста, с более быстрым замедлением. В период с 2001 по 2015 гг. отстающие (относительно темпов роста потребления КНР и РК) темпы роста экспорта РДВ сменились на опережающие, что связано с огромными абсолютными объёмами потребления и геополитической привлекательностью дальневосточных поставок для КНР.

На протяжении последней четверти века страны СВА продолжали укреплять своё положение в качестве центров вывоза капитала. Отношение потока ПИИ за границу к ВВП у КНР, Японии и РК в это время росло очень высокими темпами, и, в отличие от других их экономических индикаторов, эти темпы не имели устойчивой тенденции к снижению. Однако следует учитывать, что влияние растущего потока ПИИ из стран СВА на их поступление на РДВ в рассматриваемый период было минимальным. Вплоть до последних лет большая часть ПИИ на РДВ

Таблица 3. Темпы роста потребления первичных энергоресурсов странами СВА и экспорта РДВ в 1991–2015 гг. (средние по пятилетиям, %)

Показатели	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015
Потребление Китая	105,4	102,5	112,3	106,7	103,8
Потребление Японии	102,5	100,8	100,3	99	97,9
Потребление РК	110,4	105,2	103,1	102,9	101,9
Экспорт РДВ	92,3	114,4	102,4	104,4	106,4

Источники: рассчитано автором на основе: [4, с. 556; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 43; 50].

поступала из ЕС и офшоров. Ощутимое расширение участия стран СВА (прежде всего, Японии) в притоке в дальневосточный регион ПИИ произошло лишь в первой половине 2010-х гг.

Изменения в объеме рабочей силы, как правило, тесно связаны с общей динамикой населения страны или региона. Однако в некоторых случаях им могут быть присущи и собственные, отклоняющиеся тенденции. Так, рабочая сила РДВ в изучаемый период сокращалась менее быстрыми темпами, чем население региона. Для большинства же стран СВА (РК, КНДР и до сер. 2000-х гг. КНР) были характерны опережающие темпы роста рабочей силы по отношению к росту населения (табл. 5). Объективные предпосылки к постепенному повышению спроса на труд, с одной стороны, и сохранению высокого уровня его предложения, с другой, хорошо объясняют значительные темпы роста иностранной трудовой миграции на РДВ в 2001–2010 гг. Вместе с тем, заметное сокращение притока иностранных работников в регион в 2011–2015 гг. свидетельствует о влиянии на эту разновидность трансграничных потоков и других, экономических и, возможно, политических факторов, имеющих внутрироссийское происхождение.

Доступным показателем для оценки динамики туристического потенциала стран СВА могут служить темпы роста выезда туристов из этих стран за рубеж. По данным табл. 6, с 1996 по 2015 гг. в двух из трёх рассматриваемых по этому индикатору стран СВА (КНР и РК) темпы роста исходящего турпотока имели очень высокие значения, причём со стабильно большим отрывом лидировал Китай. Именно такие темпы роста в сочетании с колоссальными абсолютными объёмами выезда китайских туристов стали основой взрывного увеличения иностранного турпотока на РДВ в 2011–2015 гг. Вместе с тем, как показывает сравнение с этапом 2006–2010 гг., это увеличение явилось также результатом изменившейся экономической конъюнктуры (падение курса рубля) и, в определённой мере, поощрительной политики российской стороны.

Среди рассмотренных выше весьма различных как по объективным социально-экономическим тенденциям, так и по государственной политике в отношении РДВ, пяти этапов периода 1991–2015 гг., предпочтительной базой для прогнозирования региона является, с моей точки зрения, этап 2006–2010 гг. Это связано не только с тем, что, данный этап, предшествующий мировой рецессии, выступает естественным ориентиром для ожидаемого вслед за ней на глобальном и национальном уровнях восстановления. Выбор в пользу этапа 2006–2010 гг. обусловлен также его особым местом в новейшей истории РДВ. На вторую половину 2000-х гг. приходится завершение продолжавшегося в течение постсоветского периода процесса складывания экспортно-сырьевой специали-

Таблица 4. Темпы роста отношения прямых инвестиций за границу к ВВП стран СВА и объёма ПИИ на РДВ в 1991–2015 гг. (средние по пятилетиям, %)

Показатели	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015
Прямые инвестиции за границу к ВВП Китая	116,6	98,9	101,6	116,1	113,3
Прямые инвестиции за границу к ВВП Японии	92,6	105,4	107,3	112,4	113,9
Прямые инвестиции за границу к ВВП РК	123,7	109,9	102,4	125	109,4
Поступление ПИИ на РДВ	н/д	127,1	142,8	70,7	149,2

Источники: рассчитано автором на основе: [15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 52].

зации РДВ. Эта специализация, формировавшаяся первоначально под действием стихийных рыночных сил, в 2006–2010 гг. была поддержана и усилена возобновившейся государственной политикой программированного развития региона. Результатом такой политики стало закрепление определённой отраслевой структуры экономики и конфигурации внешнеторговых связей, их воплощение в инфраструктурных (трубопроводных и иных транспортных) проектах и международных соглашениях. Оформившиеся в эти годы важнейшие структурные особенности социально-экономической системы РДВ сохраняются до сих пор.

В довольно тесной связи с общей региональной политикой федерального центра в 2006–2010 гг. менялась и ПП на РДВ, эволюционировавшая в направлении селективной либерализации. Целью этих изменений в ПП было создание более благоприятных правовых и административных условий для расширения сырьевого экспорта, увеличения обеспечивавших его инвестиционных и миграционных потоков, при одновременном сдерживании импорта (главным образом, потребительского). Хотя под влиянием мирового экономического кризиса уже на рубеже 2000-х – 2010-х гг. идеология такой модели ПП (и стоящей за ней модели экономики) подверглась ревизии, а с 2014 г. эта ревизия распространилась и на её практику [2; 48], тем не менее, говорить об отказе от данной модели было бы преждевременным. Опирающаяся на интересы влиятельных кругов федеральной бюрократии и корпораций, а также их зарубежных партнёров, ПП, сложившаяся на РДВ в 2006–2010 гг., обладает значительным инерционным потенциалом.

Существование внутренних и внешних предпосылок для инерционного развития РДВ и его трансграничных отношений с соседями отражено в экстраполяционном поисковом прогнозе на 2016–2025 гг., количественные параметры которого представлены в *табл. 7*. Описание инерционного варианта развития основано на предположении о сохранении тех среднегодовых темпов роста общественных потенциалов стран СВА и РДВ, а также экономического и миграционного взаимодействия между ними, которые наблюдались в 2006–2010 гг. Исключение при построении прогноза было сделано только для темпов роста поступления на РДВ ПИИ и приёма регионом иностранных туристов. Темпы роста этих двух показателей были рассчитаны как средние для двух этапов – 2006–2010 и 2011–2015 гг. Это обусловлено необходимостью учесть резкую смену на рубеже 2000–2010-х гг. трендов динамики притока ПИИ и туристов, которая стала результатом не только конъюнктурных колебаний, но и корректировки дальневосточной ПП.

Таблица 5. Темпы роста рабочей силы стран СВА и РДВ и трудовой миграции на РДВ в 1991–2015 гг. (средние по пятилетиям, %)

Показатели	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015
Рабочая сила Китая	101,3	101,3	100,8	100,4	100,5
Рабочая сила Японии	100,9	100,2	99,7	100	99,7
Рабочая сила РК	102,2	101,1	101,1	100,9	101,2
Рабочая сила КНДР	101,3	101	100,8	100,8	100,7
Рабочая сила РДВ	н/д	98,6	99	99,9	99,6
Иностранцы труд. мигранты на РДВ	н/д	97,2	124,3	114	88,8

Источники: рассчитано автором на основе: [8, с. 197; 24; 26; 27; 42; 43; 46; 47; 49; 52].

Согласно инерционному варианту развития (который можно назвать «консервативно-оптимистическим»), к 2015 г. ВРП РДВ удвоится, его экспорт увеличится более чем в 1,5 раза, а поступление ПИИ в регион возрастёт на 30,5%. Количество работающих на РДВ иностранных трудовых мигрантов превысит показатель 2016 г. в 3,7 раза, а принятых регионом интуристов – в 5,5 раза. При этом население РДВ по данным экстраполяционного прогноза в 2025 г. может составить лишь 95,1% от уровня 2015 г.

Весьма высокие ориентиры развития РДВ по консервативно-оптимистическому варианту вплоть до апреля 2014 г. рассматривались в программных документах федеральной региональной политики не только как вполне достижимые, но и не предельные [3; 44]. Заявления о возможности удвоения ВРП РДВ к 2025 г. периодически делались правительственными чиновниками и позднее [6]. Вместе с тем, необходимо принимать во внимание, что независимо от целей федеральной политики в ДФО, вероятность его развития по консервативно-оптимистическому варианту основана на допущении о сохранении темпов роста общественных потенциалов стран СВА, имевших место в 2006–2010 гг. Однако прогнозы социально-экономической динамики соседей РДВ, как правило, предсказывают её более или менее значительное торможение.

Ожидаемые тенденции снижения динамики КНР, Японии, РК и КНДР положены в основу консервативно-умеренного и консервативно-пессимистического вариантов развития РДВ и его трансграничных отношений, описанных соответственно в табл. 8 и табл. 9. При этом, консервативно-умеренный вариант базируется на основном варианте прогноза мировой экономики, разработанного Минэкономразвития, «высоком» варианте энергетического прогноза USEIA и «среднем» варианте демографического прогноза ООН, а консервативно-пессимистический вариант – на варианте А прогноза Минэкономразвития, «низком» варианте прогноза USEIA и «низком» варианте прогноза ООН. Из указанных прогнозов были извлечены значения темпов роста ВВП и населения КНР, Японии, РК и КНДР в 2016–2025 гг. Что же касается темпов роста остальных показателей общественных потенциалов стран СВА, показателей трансграничных отношений и общественного потенциала РДВ, то они были получены на основе коэффициентов эластичности для названных показателей, рассчитанных по их средним значениям в 2006–2010 гг. Таким образом, и консервативно-умеренный, и консервативно-пессимистический варианты поискового прогноза исходят из ста-

Таблица 6. Темпы роста выезда туристов из стран СВА и приёма иностранных туристов на РДВ в 1996–2015 гг. (средние по пятилетиям, %)

Показатели	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015
Выезд туристов из Китая	118,2	124,2	113,1	115,3
Выезд туристов из Японии	103,1	99,5	99,1	99,5
Выезд туристов из РК	107,6	112,8	104,4	109,1
Иностранные туристы на РДВ	н/д	н/д	86,5	162,9

Источники: рассчитано автором на основе: [5; 52].

бильности структурных характеристик взаимодействующих социально-экономических систем РДВ и его соседей и предполагают в перспективе до 2025 г. лишь их количественные изменения.

Как следует из *табл. 8* и *9*, итоги развития РДВ и его трансграничных отношений по консервативно-умеренному и консервативно-пессимистическому вариантам в целом значительно уступают его результатам по консервативно-оптимистическому варианту. Реализация консервативно-умеренного прогноза к 2025 г. приведёт к росту ВРП РДВ до 150,8 %, экспорта – до 128,6 %, и ПИИ – до 116,6 % к уровню 2015 г. Осуществление консервативно-пессимистического варианта развития к концу того же периода увеличит ВРП РДВ до 138,3 %, экспорта – до 121,9 %, а притока ПИИ – до 113 % к уровню 2015 г. При этом темпы сокращения населения РДВ по двум названным вариантам также уменьшатся, что в первом случае сохранит к 2025 г. в регионе 97 %, а во втором – 98 % от численности его населения в 2015 г. Такое относительное «улучшение» демографической динамики в условиях экономического торможения, на мой взгляд, можно объяснить связанным с последним замедлением роста доли в дальневосточной экономике ТЭК, гипертрофия которого ведёт к уменьшению количества новых и привлечательных для жителей региона рабочих мест.

Примечательна также прогнозная динамика количества в регионе иностранных работников и туристов. Согласно консервативно-умеренному прогнозу, к 2025 г. количество работающих на РДВ иностранцев увеличится на 254 %, а иностранных туристов – на 214,7 %. Согласно консервативно-пессимистическому прогнозу, эти показатели соответственно будут составлять 138,3 и 82,8 % от уровня 2015 г.

Поисковые прогнозы развития РДВ и его трансграничных отношений, основанные на ретроспективном анализе социально-экономических тенденций, задаваемых, прежде всего, восточноазиатскими соседями региона, позволяют наметить рамки его наиболее вероятного будущего, с которыми так или иначе должно считаться любого рода стратегическое целеполагание и планирование. Важнейшим плановым документом для дальневосточного региона на сегодня является программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» (2014–2025 гг.) (далее: Программа 2014 г.) [2]. За последнее десятилетие документы регионального стратегического планирования неоднократно подвергались пересмотру. Такой пересмотр мог сопровождаться не только корректировкой значений программных индикаторов, но и изменением их набора, что нарушало системность и прогнозную обоснованность программы в целом. Именно на это указывает сравнение действующей Программы 2014 г. с её предшествующей версией, утверждённой в марте 2013 г. (Программа 2013 г.). Основанная на форсированном (целевом) варианте прогноза российской экономики, подготовленного Ми-

Таблица 7. Консервативно-оптимистический поисковый прогноз (2016–2025 гг.)

Показатели	2015 (абс. значения)	Среднегодовые темпы роста, %	2025 (абс. значения)	2025 к 2015, рост, %
ВРП РДВ (млн. долл.)	153683,1	107,2	307980,9	200,4
Экспорт РДВ (млн. долл.)	54556,1	104,4	83907,3	153,8
Поступление ПИИ на РДВ (млн. долл.)	18712,1	102,7	24419,3	130,5
Население РДВ (тыс. чел.)	6211	99,5	5906,7	95,1
Иностраные труд. мигранты на РДВ (тыс. чел.)	83,8	114	310,6	370,7
Иностраные туристы на РДВ (тыс. чел.)	529,8	118,7	2941,9	555,3

Источники: рассчитано автором на основе: [5; 15; 42; 43; 49].

нэкономразвития, Программа 2013 г. устанавливала самые высокие в новейшей истории РДВ значения индикаторов его развития. При этом целевые индикаторы Программы 2013 г. охватывали все важнейшие сферы социально-экономического развития региона, включая внешнеэкономическую [3]. Программа 2014 г. существенно понизила значения общерегиональных (агрегированных) индикаторов, одновременно резко ограничив их количество. Её основное содержание было выражено в специализированных показателях, характеризующих выполнение вновь поставленных задач (подпрограмм) в сферах инвестиций и занятости, и не являвшихся ранее предметом статистического учёта. Обращает на себя внимание и отсутствие в Программе 2014 г. ссылок на какие-либо прогнозы.

В Программе 2014 г., как уже отмечалось, не выделены индикаторы, непосредственно описывающие трансграничные отношения РДВ. Тем не менее, опираясь на зафиксированные в ней целевые значения ВРП и населения РДВ и используя соотношения (коэффициенты эластичности) темпов роста региональных показателей, полученные для этапа 2006–2010 гг., в табл. 10 я реконструирую вероятную перспективную динамику значений этих показателей в 2016–2025 гг.

В части темпов роста ВРП, экспорта и ПИИ программный нормативный прогноз указывает даже несколько более низкие ориентиры, чем консервативно-пессимистический вариант развития региона. Однако следует учитывать, что экономические показатели реконструированного программного прогноза не исчерпывают всего экономического содержания Программы 2014 г. Так, Программа 2014 г. предусматривает увеличение к 2025 г. накопленного объёма частных инвестиций в дальневосточные ТОРы до 2 351,7 млрд. руб. Поскольку значительную часть этих инвестиций должны составить вложения иностранных инвесторов, то это не может не повысить величину прироста ПИИ в регион.

В части социально-демографических показателей программный прогноз не соответствует ни одному из ранее описанных вариантов развития, по существу выходя за рамки очерченного ими диапазона вероятного будущего региона. Для достижения указанного в Программе 2014 г.

Таблица 8. Консервативно-умеренный поисковый прогноз (2016–2025 гг.)

Показатели	Среднегодовые темпы роста, %	2025 (абс. значения)	2025 к 2015, рост, %
ВРП РДВ (млн. долл.)	104,2	231751,6	150,8
Экспорт РДВ (млн. долл.)	102,5	70156,7	128,6
Поступление ПИИ на РДВ (млн. долл.)	101,5	21825,8	116,6
Население РДВ (тыс. чел.)	99,7	6026,1	97
Иностранцы труд. мигранты на РДВ (тыс. чел.)	109,8	212,9	254
Иностранцы туристы на РДВ (тыс. чел.)	107,9	1137	214,7

Источники: рассчитано автором на основе: [13; 51; 53].

целевого значения в 6 496 тыс. жителей темп роста населения региона в 2016–2025 гг. должен составлять 100,4 % в год. Принимая во внимание устойчивую тенденцию сокращения населения ДФО и планируемое в той же Программе замедление динамики ВРП, возможность перехода к таким темпам демографического роста вызывает сомнения. Неясность связи планируемых динамик экономических и социально-демографических показателей РДВ говорит, по меньшей мере, о неполноте, если не о внутренней противоречивости действующей Программы.

Рассогласованность экономической и демографической составляющих Программы 2014 г., на мой взгляд, – это одно из проявлений механического совмещения в ней консервативного и инновационного подходов к развитию региона. При чем, если консервативное описание макроэкономической динамики РДВ исходит из реалистичной оценки ухудшающихся условий его среды, то демографический прогноз базируется, по-видимому, на ожиданиях взрывного роста инвестиций, технологических новшеств и занятости в результате создания в регионе ТОРов. Однако учреждение зон со льготными правовыми режимами само по себе не является гарантией позитивного инновационного и социально-демографического эффекта. В неблагоприятной, ригидной среде функционирование ТОРов будет, скорее всего, подчинено запросам «старой», сырьевой экономики, и присущим ей тенденциям.

Различия последствий применения в управлении развитием РДВ консервативного и инновационного подходов наглядно продемонстрированы в нормативном прогнозе на 2010–2050 гг., разработанном на рубеже 2000–2010-х гг. дальневосточными экономистами [1; 45]. Конкретные значения первого варианта этого прогноза, который базировался на старой программе развития РДВ, в настоящее время уже утратили свою актуальность. Следует лишь отметить, что, согласно этому более высокому варианту программного прогноза, после 2030 г. экономика РДВ должна войти в длительную фазу торможения [1, с. 11].

Второй (назовём его «альтернативным») вариант данного прогноза исходит из осуществления концепции «новой индустриализации» РДВ. По прогнозируемым параметрам ВРП он близок к консервативно-оптимистическому варианту будущего региона (табл. 11). Однако в данном случае двукратный экономический рост имеет иную, инноваци-

Таблица 9. Консервативно-пессимистический поисковый прогноз (2016–2025 гг.)

Показатели	Среднегодовые темпы роста, %	2025 (абс. значения)	2025 к 2015, рост, %
ВРП РДВ (млн. долл.)	103,3	212540	138,3
Экспорт РДВ (млн. долл.)	102	66493,8	121,9
Поступление ПИИ на РДВ (млн. долл.)	101,2	21144,1	113
Население РДВ (тыс. чел.)	99,8	6087,4	98
Иностранные труд. мигранты на РДВ (тыс. чел.)	103,3	115,9	138,3
Иностранные туристы на РДВ (тыс. чел.)	98,1	438,7	82,8

Источники: рассчитано автором на основе: [13; 51; 53].

онную структурно-технологическую основу. Он увязан с повышением отраслевой дифференциации дальневосточной экономики и изменением соотношения добывающей и обрабатывающей промышленности в ней в пользу последней. Это предполагает расширение ассортимента продукции региона и более активные, в сравнении с консервативно-оптимистическим прогнозом, темпы роста его экспорта. Кроме того, альтернативный вариант нормативного прогноза включает в себя ускоренный рост среднедушевого показателя ВРП РДВ, существенно опережающий общероссийский [1, с. 10–14], что должно обеспечить выполнение поставленной в программном прогнозе задачи по прекращению оттока населения региона.

Несмотря на то, что альтернативный нормативный прогноз не даёт достаточно определённой картины развития трансграничных отношений РДВ, его сопоставление с программным, а также с поисковыми прогнозами позволяет охарактеризовать основные особенности вероятных сценариев ПП в регионе. Исходя из различий программного и альтернативного нормативных прогнозов и стоящих за ними стратегических приоритетов в развитии дальневосточного региона, спектр таких сценариев можно свести к двум важнейшим.

Первый из этих сценариев («преемственный») построен на представлении о том, что в обозримой перспективе, – до 2025 г. и даже далее, вплоть до 2035 г., – РДВ сохранит свою преимущественную специализацию экспортёра топливно-энергетических ресурсов. При этом, как следует не только из Программы 2014 г., но и проекта Энергетической стратегии РФ до 2035 г. [14], учитывая ожидаемое прогрессирующее снижение потребления энергоресурсов странами СВА, эта концепция предполагает относительно низкие и замедляющиеся темпы экономического роста РДВ. Вместе с тем, понимание недостаточности таких темпов развития для поддержания социально-экономической безопасности региона, и прежде всего его демографической стабилизации, побуждает сторонников данной концепции к принятию компенсирующих мер, направленных на привлечение в ДФО дополнительных частных, и в т. ч. иностранных, инвестиций.

Таблица 10. Программный нормативный прогноз (2016–2025 гг.)

Показатели	Среднегодовые темпы роста, %	2025 (абс. значения)	2025 к 2015, рост, %
ВРП РДВ (млн. долл.)	102,6	199539	129,8
Экспорт РДВ (млн. долл.)	101,6	61489,8	120,3
Поступление ПИИ на РДВ (млн. долл.)	101	31839,5	111,9
Население РДВ (тыс. чел.)	100,4	6496	104,6
Иностранные труд. мигранты на РДВ (тыс. чел.)	88,8	25,5	30,4
Иностранные туристы на РДВ (тыс. чел.)	85,04	104,9	19,8

Источники: рассчитано автором на основе: [2].

Такие компенсирующие меры, воплощением которых является распространение режимов ТОРов и СвП, по сути своей не могут сформировать на РДВ нового технологического уклада и привести к существенному ускорению роста экономики и приросту населения. Скорее, эти институты будут, в конечном счёте, адаптированы к структуре уже сложившейся социально-экономической системы. На это указывает целевая аморфность институтов развития, отсутствие у ТОРов и СвП чёткой связи с территориальными и отраслевыми «точками роста», а также большой удельный вес среди их инвесторов компаний ТЭК, предпочитающих вкладывать деньги в профильные или смежные для них проекты [12]. В этих условиях развитие региона будет оставаться высоко зависимым от потребностей и состояния стран СВА. Темпы роста трансграничных отношений РДВ будут находиться в рамках, намеченных программным и консервативно-пессимистическим прогнозами: экспорт – от 101,6 до 102 %, поступление ПИИ – от 101 до 101,2 % в год. При сохранении отрицательной динамики населения, трудовая миграция может показать некоторый рост (до 103,3 % в год), а въездной турпоток, после всплеска 2011–2015 гг., сократится.

Основной целью ПП на РДВ в этом сценарии станет разносторонняя поддержка топливно-сырьевого экспорта. Это подразумевает меры по строительству и расширению пропускной способности транспортной и собственно пограничной инфраструктуры, активизации привлечения в добывающие отрасли иностранных инвестиций и технологий. Эти меры, сокращающие издержки пересечения границы, по существу являются продолжением работы, начатой ещё в середине 2000-х гг., реализацией (при меньшем бюджетном финансировании) проектов и международных соглашений, появившихся ранее. Их общее стимулирующее воздействие на динамику топливно-сырьевого экспорта, потенциал увеличения спроса на который неуклонно сокращается, а возможности либерализации практически исчерпаны, не может быть значительным.

Второй сценарий ПП («модернизационный») исходит из недопустимости консервации социально-экономической системы, сложившейся на РДВ в постсоветский период. Концепция «новой индустриализации» предполагает структурно-технологическую модернизацию дальневосточной экономики, одним из инструментов которой должна стать реги-

Таблица 11. Альтернативный нормативный прогноз (2016–2025 гг.)

Показатели	Среднегодовые темпы роста, %	2025 (абс. значения)	2025 к 2015, рост, %
ВРП РДВ (млн. долл.)	107,2	307897,3	200,3
Экспорт РДВ (млн. долл.)	106,9	106310,8	194,8

Источники: рассчитано автором на основе: [45, с. 498].

ональная ПП. Ядро «новой индустриализации» состоит в технико-технологическом перевооружении комплекса отраслей обрабатывающей промышленности, которое позволит развернуть широкий экспорт готовой продукции. Этому процессу будет сопутствовать оживление в других секторах региональной экономики (включая сектор услуг), увеличение притока в регион инвестиций, рост занятости и положительная демографическая динамика. Темпы роста трансграничных экономических отношений РДВ в этом сценарии будут близки к значениям, зафиксированным в альтернативном и консервативно-оптимистическом прогнозах: рост экспорта будет находиться в пределах от 104,4 до 106,9 %, а рост поступления ПИИ может превысить 102,7 % в год. Соединение быстрого подъёма ВРП с предполагаемым программным прогнозом улучшением демографической ситуации может позволить превысить темпы роста иностранного туризма, предусмотренные консервативно-оптимистическим прогнозом (118,7 %), но, по-видимому, снизит намеченные в нем темпы увеличения трудовой миграции (114 %).

Цель дальневосточной ПП в рамках модернизационного сценария будет заключаться в том, чтобы наиболее эффективным образом связать новые ведущие отрасли РДВ с внешними рынками товаров и услуг, капитала и труда. Борьба за ещё не осваивавшиеся рынки (и создание ещё не существующих), выстраивание новой структуры трансграничных связей, поддержка малого и среднего бизнеса и высокорисковых инновационных проектов потребует от государства больших (в сравнении с преемственным сценарием) усилий и затрат. Однако эти усилия и затраты должны быть связаны не столько с капитальными и инфраструктурными вложениями, сколько с улучшением нематериальных условий трансграничного взаимодействия, его либерализацией и дебарьеризацией, с селективным распределением среди его участников информации и услуг, льгот и субсидий. Модернизационная ПП в регионе должна сделать трансграничные отношения максимально удобными и выгодными именно для тех субъектов, производителей и потребителей, чья активность в наибольшей степени содействует качественному, стадийному обновлению социально-экономической системы РДВ. Для этого необходимо, чтобы применяемые данной политикой особые правовые режимы (территориальные или экстерриториальные) предоставлялись гораздо более адресно, чем это происходит сейчас. В частности, эффективность ТОРов и СвП в контексте модернизационного сценария следует оценивать, прежде всего, не по количеству и стоимости зарегистрированных инвестиционных проектов, а по их отраслевой и продуктовой специализации, по ожидаемому воздействию на структуру экспорта и импортозамещения, по долгосрочному технологическому и социальному влиянию на развитие региона.

Не устраняя зависимости РДВ от внешней среды, модернизационная ПП делает её значительно более гибкой и стимулирующей, путём диверсификации селективности регулирования трансграничных отношений. Если реализация преемственного сценария будет только

наращивать вес в трансграничных отношениях РДВ топливно-энергетического экспорта, нацеленного, прежде всего, на рынок КНР, то модернизационный сценарий уже в ближайшее десятилетие может значительно увеличить долю в их структуре вывоза сельскохозяйственной, пищевой и машиностроительной продукции, въездного туризма, импорта технологий и капитала, а также расширить круг основных партнёров региона (в т. ч. за счёт стран АСЕАН и Индии).

По всей видимости, реальная ПП на РДВ второй половины 2010-х – первой половины 2020-х гг. будет формироваться в процессе поиска компромисса между преобладающим и модернизационным сценариями. Попытки их комбинирования объективно обусловлены перспективой длительного сосуществования в экономике региона «старого» и «нового» индустриального укладов. Важно, однако, чтобы этот вероятный компромисс нашёл в итоге своевременное и исторически правильное завершение.

Литература

1. Власюк Л.И., Минакир П.А. Долгосрочный региональный прогноз: синтез технологического и экономического подходов // Проблемы прогнозирования. 2013. № 2. С. 3–14.
2. Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» (утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308) // Правительство России. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/RoWSNHM7NUM.pdf> (дата обращения: 11.03.2017).
3. Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» (утв. распоряжением Правительства РФ от 29 марта 2013 г. № 466-р) // Система Гарант. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70351168/> (дата обращения: 13.12.2016).
4. Дальний Восток России: экономический потенциал. Владивосток: Дальнаука, 1999.
5. Единая межведомственная информационно-статистическая система. Государственная статистика. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 10.07.2017).
6. Заседание итоговой коллегии «Об итогах деятельности Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока в 2013 году и первой половине 2014 года» // Минвостокразвития России. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.minvr.ru/upload/kollegiya-DV.pdf> (дата обращения: 10.07.2017).
7. Киреев А.А. Модель пограничной политики на РДВ: факторы и механизмы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 3. С. 74-85.
8. Красова Е.В. Иностранная рабочая сила в мировой и региональной экономике: современные аспекты государственного регулирования. Владивосток: ВГУЭС, 2012. 212 с.
9. Меламед И.И., Дягилев А.А., Авдеев М.А. Основные подходы к развитию Дальнего Востока и Прибайкалья. М.: Современная экономика и право, 2010. 176 с.
10. Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 304 с.

11. Национальные счета России в 1994-2001 гг. / Госкомстат России. М., 2002.
12. Объем частных инвестиций в дальневосточные проекты до 2025 года составит 3 трлн рублей // Rambler News Service. [Электронный ресурс]. URL: <https://rns.online/regions/Obem-chastnih-investitsii-v-dalnevostochnie-proekti-do-2025-goda-sostavit-3-trln-rublei--2017-02-20/> (дата обращения: 11.06.2017).
13. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г. // Система Гарант. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70309010/> (дата обращения: 15.05.2017).
14. Проект Энергетической стратегии России на период до 2035 г. // Институт энергетической стратегии. [Электронный ресурс]. URL: http://www.energystategy.ru/Docs/ES-2035_1.pdf (дата обращения: 19.06.2017).
15. Прямые инвестиции в РФ. Операции по субъектам, в которых зарегистрированы резиденты // Центральный банк РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=svs> (дата обращения: 12.07.2017).
16. Регионы России. В 2-х т. Т.2 / Госкомстат России. М., 1997.
17. Регионы России. В 2-х т. Т.2 / Госкомстат России. М., 2001.
18. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2001 / Госкомстат России. М., 2001.
19. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002 / Госкомстат России. М., 2002.
20. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003 / Госкомстат России. М., 2003.
21. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004 / Росстат. М., 2004.
22. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005 / Росстат. М., 2006.
23. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007 / Росстат. М., 2007.
24. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 / Росстат. М., 2012.
25. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013 / Росстат. М., 2013.
26. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014 / Росстат. М., 2014.
27. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015 / Росстат. М., 2015.
28. Российский статистический ежегодник / Госкомстат России. М., 1994.
29. Российский статистический ежегодник / Госкомстат России. М., 1997.
30. Российский статистический ежегодник / Госкомстат России. М., 1998.
31. Российский статистический ежегодник / Госкомстат России. М., 2000.
32. Российский статистический ежегодник. 2001 / Госкомстат России. М., 2001.
33. Российский статистический ежегодник. 2002 / Госкомстат России. М., 2002.
34. Российский статистический ежегодник. 2003 / Госкомстат России. М., 2003.
35. Российский статистический ежегодник. 2004 / Росстат. М., 2004.
36. Российский статистический ежегодник. 2005 / Росстат. М., 2005.
37. Российский статистический ежегодник. 2007 / Росстат. М., 2007.
38. Российский статистический ежегодник. 2009 / Росстат. М., 2009.
39. Российский статистический ежегодник. 2011 / Росстат. М., 2011.
40. Российский статистический ежегодник. 2014 / Росстат. М., 2014.
41. Российский статистический ежегодник. 2015 / Росстат. М., 2015.
42. Социально-экономическое положение ДФО в 2015 г. // Росстат. 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_20/Main.htm (дата обращения: 3.06.2017).

43. Социально-экономическое положение ДФО в 2016 г. // Росстат. 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_20/Main.htm (дата обращения: 13.02.2017).
44. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р) // Правительство России. [Электронный ресурс]. URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 10.12.2016).
45. Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 560 с.
46. Труд и занятость в России 2003 / Госкомстат. М., 2003.
47. Труд и занятость в России 2005 / Росстат. М., 2006.
48. Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ» // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/39279> (дата обращения: 11.09.2016).
49. Численность рабочей силы по субъектам РФ // Росстат. 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (дата обращения: 11.07.2017).
50. BP Statistical Review of World Energy June 2017 // BP Global. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (дата обращения: 12.07.2017).
51. International Energy Outlook 2016 with Projections to 2040. May 2016 // U.S. Energy Information Administration. [Электронный ресурс]. URL: www.eia.gov/forecasts/ieo (дата обращения: 10.07.2017).
52. World Development Indicators (April 2017) // The World Bank: Data. [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/products/wdi> (дата обращения: 4.07.2017).
53. World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings and Advance Tables / United Nations. Working Paper No. ESA/P/WP/248.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Vlasyuk L.I., Minakir P.A. Dolgosrochnyj regional'nyj prognoz: sintez tekhnologicheskogo i ehkonomicheskogo podkhodov // Problemy prognozirovaniya. 2013. № 2. S. 3–14.
2. Gosudarstvennaya programma RF «Sotsial'no-ehkonomicheskoe razvitie Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona» (utv. postanovleniem Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. № 308) // Pravitel'stvo Rossii. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://government.ru/media/files/RoWSHHM7NUM.pdf> (дата obrashheniya: 11.03.2017).
3. Gosudarstvennaya programma RF «Sotsial'no-ehkonomicheskoe razvitie Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona» (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 29 marta 2013 g. № 466-r) // Sistema Garant. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://base.garant.ru/70351168/> (дата obrashheniya: 13.12.2016).
4. Dal'nij Vostok Rossii: ehkonomicheskij potentsial. Vladivostok: Dal'nauka, 1999.
5. Edinaya mezhvedomstvennaya informatsionno-statisticheskaya sistema. Gosudarstvennaya statistika. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://fedstat.ru/> (дата obrashheniya: 10.07.2017).
6. Zasedanie itogovoj kollegii «Ob itogakh deyatel'nosti Ministerstva Rossijskoj Federatsii po razvitiyu Dal'nego Vostoka v 2013 godu i pervoj polovine 2014 goda» // Minvostokrazvitiya Rossii. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://old.minvr.ru/upload/kollegiya-DV.pdf> (дата obrashheniya: 10.07.2017).
7. Kireev A.A. Model' pogranchnoj politiki na RDV: faktory i mekhanizmy // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2017. № 3. С. 74–85.

8. Krasova E.V. Inostrannaya rabochaya sila v mirovoj i regional'noj ehkonomike: sovremennye aspekty gosudarstvennogo regulirovaniya. Vladivostok: VGUEHS, 2012. 212 s.

9. Melamed I.I., Dyagilev A.A., Avdeev M.A. Osnovnye podkhody k razvitiyu Dal'nego Vostoka i Pribajkal'ya. M.: Sovremennaya ehkonomika i pravo, 2010. 176 s.

10. Minakir P.A., Prokapalo O.M. Regional'naya ehkonomicheskaya dinamika. Dal'nij Vostok. Khabarovsk: DVO RAN, 2010. 304 s.

11. Natsional'nye scheta Rossii v 1994-2001 gg. / Goskomstat Rossii. M., 2002.

12. Ob'em chastnykh investitsij v dal'nevostochnye proekty do 2025 goda sostavit 3 trln rublej // Rambler News Service. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://rns.online/regions/Obem-chastnih-investitsii-v-dalnevostochnie-proekti-do-2025-goda-sostavit-3-trln-rublei--2017-02-20/> (data obrashheniya: 11.06.2017).

13. Prognoz dolgosrochnogo sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya RF na period do 2030 g. // Sistema Garant. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://base.garant.ru/70309010/> (data obrashheniya: 15.05.2017).

14. Proekt EHnergeticheskoy strategii Rossii na period do 2035 g. // Institut ehnergeticheskoy strategii. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.energystrategy.ru/Docs/ES-2035_1.pdf (data obrashheniya: 19.06.2017).

15. Pryamyje investitsii v RF. Operatsii po sub"ektam, v kotorykh zaregistrovany rezidenty // TSentral'nyj bank RF. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrId=svs> (data obrashheniya: 12.07.2017).

16. Regiony Rossii. V 2-kh t. T.2 / Goskomstat Rossii. M., 1997.

17. Regiony Rossii. V 2-kh t. T.2 / Goskomstat Rossii. M., 2001.

18. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2001 / Goskomstat Rossii. M., 2001.

19. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2002 / Goskomstat Rossii. M., 2002.

20. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2003 / Goskomstat Rossii. M., 2003.

21. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2004 / Rosstat. M., 2004.

22. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2005 / Rosstat. M., 2006.

23. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2007 / Rosstat. M., 2007.

24. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2012 / Rosstat. M., 2012.

25. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2013 / Rosstat. M., 2013.

26. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2014 / Rosstat. M., 2014.

27. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2015 / Rosstat. M., 2015.

28. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik / Goskomstat Rossii. M., 1994.

29. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik / Goskomstat Rossii. M., 1997.

30. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik / Goskomstat Rossii. M., 1998.

31. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik / Goskomstat Rossii. M., 2000.

32. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2001 / Goskomstat Rossii. M., 2001.

33. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2002 / Goskomstat Rossii. M., 2002.

34. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2003 / Goskomstat Rossii. M., 2003.

35. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2004 / Rosstat. M., 2004.

36. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2005 / Rosstat. M., 2005.

37. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2007 / Rosstat. M., 2007.

38. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2009 / Rosstat. M., 2009.

39. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2011 / Rosstat. M., 2011.

40. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2014 / Rosstat. M., 2014.

41. Rossijskij statisticheskiy ezhegodnik. 2015 / Rosstat. M., 2015.
42. Sotsial'no-ehkonomicheskoe polozhenie DFO v 2015 g. // Rosstat. 2016. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_20/Main.htm (data obrashheniya: 3.06.2017).
43. Sotsial'no-ehkonomicheskoe polozhenie DFO v 2016 g. // Rosstat. 2017. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_20/Main.htm (data obrashheniya: 13.02.2017).
44. Strategiya sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona na period do 2025 g. (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 28 dekabrya 2009 g. № 2094-r) // Pravitel'stvo Rossii. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (data obrashheniya: 10.12.2016).
45. Tikhookeanskaya Rossiya – 2030: stsenarnoe prognozirovanie regional'nogo razvitiya / pod red. P.A. Minakira. Khabarovsk: DVO RAN, 2010. 560 s.
46. Trud i zanyatost' v Rossii 2003 / Goskomstat. M., 2003.
47. Trud i zanyatost' v Rossii 2005 / Rosstat. M., 2006.
48. Federal'nyj zakon ot 29.12.2014 g. № 473-FZ «O territoriyakh operezhayushhego sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya v RF» // Prezident Rossii. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/39279> (data obrashheniya: 11.09.2016).
49. CHislennost' rabochej sily po sub"ektam RF // Rosstat. 2017. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (data obrashheniya: 11.07.2017).
50. BP Statistical Review of World Energy June 2017 // BP Global. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (data obrashheniya: 12.07.2017).
51. International Energy Outlook 2016 with Projections to 2040. May 2016 // U.S. Energy Information Administration. [Ehlektronnyj resurs]. URL: www.eia.gov/forecasts/ieo (data obrashheniya: 10.07.2017).
52. World Development Indicators (April 2017) // The World Bank: Data. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://data.worldbank.org/products/wdi> (data obrashheniya: 4.07.2017).
53. World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings and Advance Tables / United Nations. Working Paper No. ESA/P/WP/248.